

Тишина на тропическом острове — это неумолчный шум воды. Дыхание океана, как ваше собственное, никогда вас не покидает. Но вот уже две недели, как волн не слышно: их заглушают раскаты грома и навязчивое журчание. Дождь барабанит по крыше, оскальзывается и пластами рушится наземь. Вода плещет и хлещет, шуршит и бурлит. Солнце умерло, твердит она вам.

В сердцевине звуков таится изначальная тишь. Спокойствие тумана и безмолвие льда.

Новобрачные, Гириджа Прасад и Чанда Деви, покорились своему жребию — незнакомцы в спальне, пропитанной желанием и кишасей эмбрионами снов. А сны у Гириджи Прасада в последнее время неистовы. Ибо ливни способствуют фантазиям — такова ненаучная истина.

Посреди ночи извержение вдруг прекращается, и это будит его. Он успел притерпеться к тропической какофонии, как один из супругов — к храпу другого. Очнувшись от эротических грез, он пытается понять, что случилось. Кто покинул комнату?

Он смотрит с большой кровати вниз — туда, где на простой циновке лежит Чанда Деви, лицом к открытому окну, а не к нему. Возбужденный, скользит глазами по изгибам ее тела в полутьме. В день свадебной церемонии, когда они закрепляли свой союз на несколько рождений, обходя вокруг священного костра семь раз, она послушно ступала за ним следом, твердо уверенная, что судьба опять свела их вместе в новых аватарах. Но в этом воплощении ему придется вновь завоевать место в ее сердце. “А до тех пор, — сообщила она ему в первый же вечер, — я буду стелить себе на полу”.

Сейчас она не спит, расстроенная обличительными криками из потусторонья. Это призрак козленка. Он добрался до их крыши, преодолев бесчисленное множество миров. А теперь его беспокойные копытца спустились под распахнутое окно, наполнив комнату и ее совесть чувством вины.

— Ты слышишь? — спрашивает она, ощутив спиной его взгляд.

— Что?

— Снаружи блеет козленок.

Его напрасная эрекция увядает. Он концентрируется на Чанде Деви и ее тревоге.

— У нас с тобой нет козленка, — с горечью возражает он.

Она садится. Призрак блеет все громче, словно требуя, чтобы она передала своему сонному мужу: “Ты отнял у меня жизнь, но не можешь отнять жизнь после смерти, о плотоядный грешник!”

— Он прямо под нашим окном, — говорит она.

— Ты его боишься?

— Нет.

— Этот козленок тебя напугал?

— Нет.

— Ну так не обращай на него внимания и спи дальше.

Ему хочется добавить “ясно тебе?”, но он не осмеливается взять суровый тон. Его жена, как он уже успел понять, плохо реагирует на логику и принуждение. Да что там — она плохо реагирует чуть ли не на все вообще. Не будь она так соблазнительна, он махнул бы на нее рукой и вернулся ко сну.

— Как ты можешь спать? — спрашивает она. — Ты зарезал невинное существо, изрубил его плоть, зажал ее с луком и чесноком и съел. А теперь его неприкаянная душа осаждает наш дом!

Если бы к нему стеклись души всех животных, которых он употребил в пищу, его дом стал бы похож на что-то среднее между зоопарком и скотным двором. Здесь не то что прилечь — яблоку упасть было бы негде. Но этого кроткий Гириджа Прасад сказать не может. За два месяца брака он научился пасовать перед бурным воображением своей жены, сознательным усилием воли убедил себя в том, что причина ее странного поведения — именно воображение, а не какое-то психическое расстройство. Иначе откуда взять надежду? Ради своих нерожденных детей и тех долгих лет, которые им предстоит продержаться здесь вместе, он заявляет:

— Если это поможет тебе заснуть, я брошу есть мясо.

Так плотоядный Гириджа Прасад становится вегетарианцем — к большому удивлению жены и своему собственному. Он навсегда отказывается от яичницы, телячьих отбивных и *бирьяни** с курицей, выторговав взамен всего лишь несколько часов отдыха.

С первым проблеском рассвета она покидает свою постель. Идет на кухню и готовит сложный завтрак. В ее движениях сквозит новая жизнь, в молчании прячется улыбка. Теперь, когда убийства остановлены, можно выбросить белый флаг — испечь *алу-паратха*** . Два часа спустя она подает их мужу и спрашивает:

— Ну как они?

Гиридже Прасаду не по себе, хотя все, казалось бы, не так уж плохо. Солнце наконец вышло. Жена, которая приготовила для него завтрак в первый раз, словно забыла о робости — она покрыла ему колени салфеткой, снует вокруг, касаясь его плеч, и ее теплое дыхание скользит по его коже. Ему хочется найти утешение в мясе и жире, но их на тарелке нет.

— Ну как они? — снова повторяет она.

— Кто? — озадаченно переспрашивает он.

— Лепешки.

— Чудесные.

Жена сдержанно улыбается и наливает ему вторую чашку чаю.

* Традиционное индийское блюдо из риса с жареным мясом или рыбой, овощами и специями. — *Здесь и далее примеч. перев.*

** Индийские лепешки с картофельной начинкой.

Чанда Деви — ясновидящая. Она чувствует призраков и рада молчаливому обществу деревьев. Чутьем понимает их невысказанные желания. И знает, что отказ мужа от плоти принесет ему пользу. Царство плоти эфемерно и ненадежно, особенно в сравнении с царством растений. У него нет от нее секретов — она видела его до последнего уголка, включая реки крови, которые однажды хлынут из ее собственного тела. И это знание делает Чанду Деви упрямой. Оно обращает ее в требовательную жену.

Отправляясь в Оксфорд, Гириджа Прасад впервые покинул свой родной Аллахабад в одиночку. После четырехдневного путешествия в запряженных лошаадьми повозках, на парамах и в поезде он наконец поднялся на борт корабля, отплывающего в Англию, не взяв с собой ни банок с маринадами, ни *ги-паратха*^{*}, которые могут храниться дольше человеческого века, ни изображений разнообразных богов и членов своей семьи, включая нарисованный им самим портрет матери.

Оставить богов было легко — особенно Раму, послушного сына, бросившего свою жену без внятных причин, и *бабу*^{**} с берега реки, даже и не бога вовсе, а лишь исхудалого донельзя старика, — но расстаться с портретом матери и избежать при этом серьезной

* Тонкие лепешки на топленом сливочном масле.

** Баба — на Востоке духовный учитель, мудрый человек в годах.